

Поразительная медицина! Я не перестаю ею восхищаться. Уже на следующий день нога почти не болела. Меня выписали из больницы и выдали несколько справок.

Переодевшись, отправился в ближайшее отделение милиции, адрес подсказала лечащий врач. С тростью пока не расставался, оделся с иголки в подаренную одежду, а свои вещи нёс в пакете.

Со вчерашнего вечера я готовился к допросу с использованием детектора лжи, внушал себе веру в изначально обманные утверждения о различных нюансах, вроде потери памяти. В принципе, я знал список стандартных вопросов при тестировании с полиграфом, их всего около трёх десятков. К ответу на них я был полностью готов. К сожалению, всё предусмотреть было невозможно.

В отделении милиции пришлось объяснять цель своего визита, предъявить справку. Через некоторое время меня отправили к кабинету на первом этаже. За столом перед большим плоским монитором сидел милиционер в звании старшего лейтенанта. Молодой парень, ему было примерно чуть больше двадцати пяти лет, среднего роста. Каштановые волосы были подстрижены под расчёску, форма сидела на нём идеально. В кабинете стояла восхитительная прохлада, которую создавала система климат-контроля. Удобное кресло, качественная мебель и хороший ремонт говорили о том, что местная милиция хорошо финансируется. Парень оглядел меня внимательным взглядом карих глаз.

— Вы по какому вопросу?

— Добрый день. Я потерял память в результате болезни. К сожалению, ваш сотрудник, капитан, который приходил ко мне в больницу, не сумел установить мою личность. В больнице выдали справку и сказали, что надо обратиться к вам. Вот, — протянул я справку.

— Хм... — почесал переносицу парень. — Присаживайтесь.

Удобное стальное кресло с мягкой сидухой и спинкой приняло меня в свои объятия. Парень поставил на стол прибор, навёл на меня миниатюрную видеокамеру и нацепил на указательный палец левой руки датчик, а на голову тканевый обруч с датчиками.

— Ваше имя? — начал он.

— Александр.

Тут всё было стандартно, к этому вопросу я был подготовлен.

— В комнате, в которой вы находитесь, есть окно?

— Да.

— Вам нравится употреблять в пищу фекалии?

— Нет.

— Вы проживали на территории советского союза?

— Да.

— У вас есть связи в криминальном мире?

— Нет.

— Вы участвовали в незаконном распространении наркотических веществ?

— Нет.

— Вы состоите в секте?

— Нет.

— У вас были попытки суицида?

— Нет.

— Вы участвовали в незаконном обороте оружия?

— Нет.

— У вас есть судимость?

— Нет.

Пока что вопросы были стандартными, такие же задают почти при любом допросе с использованием детектора лжи в нашем мире. К этим вопросам я как раз был готов стопроцентно, полностью верил в то, что говорю правду, даже когда врал насчёт оружия. Было дело, приторговывал оружием на сторону, как и любой из моих бывших коллег. Накроешь группу террористов, стволы же не будешь сдавать? Лучше их продать сирийским военным и ополченцам, пусть и дёшево, но на сигареты, вкусняшки и девушек низкой социальной ответственности хватало. А уж о краже пистолета вообще молчу, законным оборотом оружия тут и не пахнет.

— Вы пытались подделать документы на территории СССР?

— Нет.

Когда бы успел? Только подумывал об этом, но понял, что без связей и денег бесполезная затея. Особенно, когда подозреваешь, что находишься под колпаком КГБ. Хотя создаётся видимость, будто от меня отстали, но мягким местом чую, что пока ещё не стоит расслаблять булки.

— Вы пробовали хотя бы раз наркотические вещества?

— Нет.

Соврал, причём наглым образом. Конечно же, я пробовал наркотики. Промедол колол себе во время ранения. Несколько раз курил гашиш вместе с сослуживцами. Во время хирургических операций меня усыпляли с помощью наркотиков. Но к подобному вопросу был готов, верил, что не вру, а говорю истинную правду. Тем более, вопрос был поставлен таким образом, будто я сам пробовал. Милиционер же не спросил, кололи ли мне наркотики врачи и сослуживцы, можно было себя заставить думать именно в таком ключе, игнорирую марихуану...

— У вас есть причина бояться тестирования?

— Нет.

Обычно за этими вопросами следуют дополнительные на выявления употребления (хранения и распространения) наркотиков. Казалось бы, мир другой, а всё точно так же, как у нас. Милиционер продолжил:

— Вы употребляете наркотики?

— Нет.

— Вы употребляли наркотики последние пять лет?

— Нет.

— Вы участвовали в незаконном распространении наркотиков?

— Нет.

— В вашем окружении есть люди, распространяющие наркотические вещества?

— Нет.

— У вас есть причина бояться тестирования?

— Нет.

— В процессе тестирования вы соврали хотя бы на один вопрос?

— Нет.

— Вы когда-либо убивали животное?

— Да.

Посмотрев на экран, старший лейтенант что-то напечатал на клавиатуре. Вместо мыши, которой не было, он пользовался подобием тачпада, который был встроен в клавиатуру.

— Вам нравится, когда вас унижают?

— Нет.

— Вы всегда правы?

— Нет.

— Вы любите свою мать?

— Нет.

На этом моменте милиционер застопорился. Он с удивлением посмотрел на меня и отошёл от стандартной процедуры допроса, когда требуется задать вопрос, на которой необходимо ответить да или нет.

— Почему вы не любите свою мать?

— Кажется, я её не знал. Вероятно, я сирота. Извините, товарищ лейтенант, с провалами в памяти сложно жить.

— Вам нравится унижать других? — продолжил офицер, что-то напечатав.

— Нет.

— Вы любите оружие?

— Да.

Тут скользкий момент. К такому вопросу я не был готов. Ко многим вопросам про оружие подготовился, но такого не ожидал. Да, оружие я люблю больше, чем родную мать, которой никогда не знал. А оружие не раз и не два спасало жизнь мне и товарищам. Как можно не любить вещи, которые сопровождали тебя на протяжении большей части жизни? Да тут соврать даже после подготовки было бы проблематично.

— Хотели бы вы участвовать в боевых действиях?

Вот очередной вопрос с подвохом. Как ни отвечу — совру. Скажу да — это будет неправдой. Скажу нет — тоже будет ложью. Ведь ещё недавно хотел отправиться работать наёмником, а желание ещё не до конца испарилось, но при этом воевать я не люблю и не хочу.

— Нет.

Милиционер нахмурился. Видимо, прибор всё же отобразил мою неподготовленность к ответу.

— Вам нравятся спецоперации?

— Нет.

На этот раз я был искренним, как младенец, который ещё не умеет врать. Кому вообще нравится его работа? А моей работой было участие в спецоперациях. Конечно, есть люди, которым нравится их работа, например, творческие люди или которые зарабатывают большие деньги, занимаются любимым делом. Но большинство людей искренне ненавидят свою работу.

— Вы когда-либо хранили военную тайну?

Ох, дружище, да ты жжёшь напалмом! На мне столько подписок о военных тайнах, что ими на протяжении года в сортире можно подтираться. Но к этому вопросу нас готовили десятки раз перед каждой особой операцией, когда надо было изображать из себя кого угодно, но только не служащего российской армии. Так что я отвечал именно так, как был обучен, искренне уверенный в том, что говорю правду.

— Нет.

— Употребляли ли вы спиртное?

— Да.

— Как давно вы употребляли спиртное в последний раз?

— Две недели назад.

— Часто ли вы употребляете алкоголь?

— Нет.

— Управляли ли вы транспортным средством в нетрезвом виде?

— Не помню.

Ездил, и не раз. Но это было не на основных дорогах и на военных внедорожниках, но не объяснять же это офицеру, я вроде как с амнезией — тут помню, там не помню. Очередной вопрос, к которому я не был готов. Всё предусмотреть невозможно.

— Вы совершали кражи?

— Не помню.

Кражи... Чёрт подери, да за последние пару недель я столько всего украл, что перечислять замучаюсь. А сколько раз воровал что-то по службе: угон военной техники противника; трофейное оружие, сигареты и шоколадки... Бывало такое — убьёшь террориста, а его карманы набиты конфетами, словно не человек, а праздничная пиньята. Бандиты предпочитают ходить налегке, а шоколад — наиболее калорийный, лёгкий и компактный продукт, который можно легко и везде достать. Да мало ли что бывает на войне? Отвечу нет — сразу совру. Скажу да — вцепятся клещами, начнут раскручивать по полной программе. В принципе, мой ответ всё равно плохой, но тут можно валить на амнезию.

— Пробовали ли вы энергетики?

— Да.

— Играли ли вы на деньги в азартные игры после восемнадцати лет?

— Да.

— Вы состоите на службе какого-либо государства?

— Нет.

— Вы имитируете потерю памяти?

— Нет.

К подобным вопросам я готовился последние сутки, так что врал правильно, то есть в полной уверенности в своей правоте. Обмануть полиграф очень сложно, для этого необходима соответствующая подготовка и не раз пройти через похожие допросы. Благо, что у меня такая подготовка имеется.

— Вы относитесь к кражам положительно?

— Нет.

Тут главное было убедить себя в том, что я действительно отношусь к кражам отрицательно — это было просто. Достаточно было представить, что крадут у меня, так что ответ был искренним. Вот воровать у других — это уже другой вопрос. Любой из моих коллег не видит ничего зазорного, чтобы позаимствовать что-то, если это необходимо для выживания или выполнения задания. Подобные психологические барьеры ломаются ещё на первых годах службы в спецподразделениях.

— За последние десять лет вы совершали кражи?

— Извините, товарищ старший лейтенант, с амнезией невозможно ответить на вопрос, если не знаешь ответа. За время пребывания на территории СССР, насколько помню, я не совершал никаких преступлений.

— Вы говорите правду?

— Да.

Милиционер достал из стола планшет, такой же, какой был у капитана. Он вышел из-за стола, снял у меня отпечатки пальцев и сфотографировал глаза. После чего надел обратно датчик на палец и повторно меня прогнал по схожим вопросам ещё два раза. На что получал заготовленную «правдивую» реакцию. Но он явно оказался не удовлетворён, словно барышня коротким коитусом. Хмурился, смотрел в монитор, водил пальцем по тачпаду. Потом он достал из кармана сотовый телефон и позвонил.

— Товарищ майор, у меня сейчас на тестировании товарищ Александр, который безымянный с

амнезией... Да, сейчас переправлю отчёт.

Он положил трубку и пристально посмотрел на меня.

— Товарищ Александр, какие ваши дальнейшие планы?

— Пока лежал в клинике, мне рекомендовали отправиться добровольцем в колонии. К сожалению, я даже не представляю, что это и чего ожидать, но склоняюсь к этому предложению. Подскажите, пожалуйста, куда можно будет обратиться?

— Погодите, вначале придётся закончить все учётные процедуры.

Такой ответ мне не понравился. Возникли подозрения, что меня отсюда не хотят выпускать. Вроде бы нет ничего такого, к чему можно придаться, разве что несколько мутных ответов и шаткая легенда. Но и опровергнуть легенду будет сложно, если только я не признаюсь. А признаюсь лишь под сывороткой правды или если телепат будет читать мысли. Вряд ли на меня будут переводить пентотал натрия (сыворотку правды). Интересно, у местных есть штатные телепаты, как у наших спецслужб? Если в этом мире жил кто-то вроде моего отца, то такое вполне возможно. Не хотелось бы повторно лишиться здоровья, которое только что было восстановлено.

Что-то в последнее время не везёт с правоохранительными органами. Даже если я ни в чём не виноват, всегда можно что-то придумать и заставить подписать любые бумаги.

Вскоре в кабинет зашёл пожилой мужчина примерно пятидесяти лет. Это был высокого роста черноволосый майор. Он внимательно смерил меня взглядом карих глаз и встал сбоку, чтобы видеть старшего лейтенанта и меня.

— Товарищ старший лейтенант, что скажете? — начал он.

— Есть некоторые смутные моменты, — пожал он плечами. — Я выделил их в отчёте. В целом товарищ Александр отвечал правдиво. Если верить показаниям медиков, то можно списать всё на потерю памяти, но как-то слишком удачно товарищ потерял память...

— Проверка по базе лиц? — вопросительно посмотрел на подчинённого майор.

— Проведена капитаном Никифоровым, — покачал головой старший лейтенант. — Ничего не дала. Товарищ Александр до появления в Царицыне в поле зрения камер видеонаблюдения не попадал.

— Вы жили в лесу? — спросил у меня майор.

— Да.

— Вы совершали преступления? — продолжил он.

— Нет.

Майор посмотрел на подчинённого, тот в ответ одарил стол микроскопическим кивком.

— Откуда у вас пулевое ранение? — спросил майор.

— Не могу знать.

Отчасти я не соврал, поскольку в момент ответа думал о том, что ничего не знаю о том, кто меня ранил. Всё происходило, когда мы совершали обход территории, меня подстрелил снайпер, которого бойцы из нашего отряда так и не смогли найти.

— Вы родились на территории СССР? — продолжил главный.

— Да.

И это действительно так. В восьмидесятые, когда я родился, СССР всё ещё существовал. Вот только эта страна уже развалилась и находилась в параллельном мире.

— Вы старовер? — спросил на этот раз молодой милиционер.

— Не могу знать.

— Вы охотник? — продолжил он.

— Не могу знать... — нахмурил я лоб, словно стараясь вспомнить.

Майор с лейтенантом переглянулись.

— Что же, можно допустить, что вы, Александр, выросли в глуши, отчего не имеете никаких документов. Вероятно, вы получили огнестрельное ранение на охоте, после чего сокрыли данный факт от властей, чтобы прикрыть товарища, — наигранно произнёс майор. — Затем вы каким-то образом пересекли приличную часть страны, не попав в поле зрения камер видеонаблюдения... Но зачем вы приехали в Царицын?

— Не знаю.

— А я скажу — зачем! — ухмыльнулся майор. — Вы решили получить нормальную медицинскую помощь, поскольку в вашей глуши остались лишь врачи, практикующие в частном порядке на дому, о чём они не спешат сообщать властям. Но обращаться в больницу у себя в глуши вы сочли неприемлемым. Видимо, вас там могли опознать. А чтобы отвести подозрения от тех, кто вас ранил и незаконным образом лечил, вы решили имитировать амнезию. И у вас бы всё вышло, но в милиции не дураки служат. Итак, признавайтесь, ваше полное имя, фамилия, отчество и дата рождения?

— Простите, товарищ майор, ваши доводы звучат логично, но у меня действительно был инсульт и проблемы с головой.

— Что же вы, товарищ, не хотите сотрудничать? — едва заметно качнул головой майор.
— Ничего, посидите в камере пятнадцать суток, а там может память проясниться.

— Извиняюсь, а за что пятнадцать суток? У вас лишь косвенные и невнятные подозрения непонятно на что. Я перед законом советского союза кристально чист, даже не хулиганил, не ругался и на тротуар не плевал. Всего-то ничего не знаю о мире, в котором живу, и не имею документов. Разве это преступление?

— Как же вы можете утверждать, что не совершали никаких преступлений, если потеряли память? — ехидно спросил майор.

— Из того, что помню, могу утверждать точно. А того, чего не помню, тут уж извините, но нет никаких доказательств, ориентировок и хоть чего-то, указывающего на какие-то противоправные действия. Вы готовы задержать человека только из-за того, что у него была некая травма, но... Если мы с вами читали одно и то же медицинское заключение, в нём сказано про ранение похожее на пулевое. Но не написано, что оно именно пулевое. Я далёк от медицины, память не блещет идеальностью, тем не менее, прекрасно понимаю, что можно получить идентичные ранения иным образом. Ни один эксперт не даст стопроцентную вероятность подтверждения пулевого ранения, если при этом пуля не будет извлечена из раны.

— Всё-то вы продумали, — ухмыльнулся майор. — Наверное, считали себя самым умным? Что мы ни о чём не догадаемся? Товарищ Александр, лучше признайтесь, не усугубляйте своё положение. Назовите своё полное имя и дату рождения. Где вы раньше проживали? Скажите, кто вас ранил и кто лечил? Это в ваших интересах!

— В моих интересах спокойно и без нервотрёпки получить справку и уехать в жаркую Африку гонять диких бибизян, чтобы они активней собирали бананы.

— Если вы не будете с нами сотрудничать, то поедете в Африку напрямую из обезьянника в роли человека второго сорта, и тогда вас будут гонять собирать бананы, — с угрозой выдал майор.

— Ваша угроза звучит пугающе, верите вы или нет, меня подобные перспективы не радуют. Но

к величайшему сожалению, невозможно сказать того, чего не знаешь. Я на самом деле понятия не имею, кто нанёс мне травму. Кто лечил... аналогично...

И ведь действительно не помню, кто проводил операцию, поскольку к тому моменту, как меня довезли до военно-полевого госпиталя, уже был без сознания.

— Жаль, что вы не хотите идти на контакт, — сказал майор. — Лейтенант, вызовите дежурного.

Молодой милиционер потянулся рукой под стол и, похоже, нажал там на кнопку. Вскоре дверь распахнулась и в кабинет заглянула пара крепких милиционеров. Младший офицер снял с меня датчики, майор едва заметно обозначил кивок в мою сторону и произнёс:

— В обезьянник его.

Рядовые милиционеры отобрали у меня трость и пакет с вещами. Пока один мне завернул руки за спину, второй общался с майором. Закончив выяснять мою подноготную, милиционеры повели меня в сторону камер. Перед тем, как запихнуть за решётку, меня тщательно обыскали, отняли ремень и шнурки. Вскоре я оказался в камере, в которой находилось двое бомжей в грязных потрёпанных вещах, от них исходило жуткое, тошнотворное амбре. Тут стояли две двухъярусные кровати. Один из заключённых, пожилой мужчина примерно пятидесяти лет с короткими седыми волосами и одутловатым лицом, лежал на первом ярусе левых нар, второй, лет сорока, с большой и неопрятной бородой чёрного цвета сидел на правых нарах. От него исходил более неприятный запах, к аромату свалки примешивались нотки сивухи, опухшие щёки и мешки под глазами не прибавляли его внешности привлекательности.

— Это... — повернулся сидевший бомж к милиционеру. — Этого товарища... Что с ним случилось? Зачем его к нам?

— Он просто не хочет признаваться, кто его подстрелил, — ответил милиционер.

— Странные дела... — протянул бомж.

Дверь камеры закрылась, а я задумался над тем, насколько глупой была идея пойти в местную милицию. Обрадовался перспективам, которые расписал непонятный тип, то ли из КГБ, то ли просто обычный человек. Жить в новом мире, спокойно работать, получить квартиру — всего-то и надо, что руководить папуасами... Размечтался! Следить за неграми мне не привыкать, одно время натаскивал в далёких странах аборигенов в качестве военного советника, там явно сложностей побольше, чем руководить рабочими. В итоге мечта рассыпалась о скалы реальности. Я ничего не скажу больше озвученной легенды, милиционеры мне не поверят, в итоге отправят вместе с бомжами в Африку. А там... Кто его знает, каково там живётся ссыльным? А мой рюкзак останется тут, добраться до него, чтобы свалить в другой мир, окажется непосильной задачей.

Что же делать? Бежать? В принципе, это реально, сейчас я здоров, до тайника добираться

недалеко, а милиционеры не похожи на профессиональных боевиков. Возможно, придётся уходить с шумом и немного пострелять, но это не пугает. Хотя словить шальную пулю в недавно залеченный организм будет неприятно.

Или стоит подождать? Вдруг отпустят на свободу... Хм... Сомнительно.

— Эй, — обратился ко мне сидящий на шконке бомж. — Тебя как звать?

— Александр. — Сел я рядом, хотя запах от индивидуума был жуткий, но в ногах правды нет.

— О! — обрадованно протянул он. — Значит, мы тёзки! Я тоже Санёк. А чего тебя сюда?

— Инсульт был, память потерял, после больницы хотел документы восстановить. Товарищи из органов решили, что я вру.

— Я тебя научу, как быть, — начал Саша.

— Спасибо, не стоит.

— Да ты чего? Не думай, я опытный. Тебе же мент сказал, всего-то и надо, что рассказать, кто ранил. Расскажешь, и тебя отпустят. Кстати, из чего стреляли?

— Извините, но я действительно потерял память.

— Это ты зря, — покачал головой Саша. — Мы тут свои, менты далеко, так что мог бы не прикидываться. А то ведь тебя запросто вышлют вместе с нами в зарубежную колонию. Нет бумажки — ты букашка. Человек второго сорта. Вот признался бы следователю, тогда бы тебя отпустили, а так только зря время теряешь.

— Извините, Саша. Мне предстоит провести тут пятнадцать суток, хотелось бы провести их в тишине и спокойствии. Я буду на верхней шконке, прошу вас не шуметь.

Ох... Тяжело находиться в душной и вонючей камере. Особенно если сосед явный подсадной. Этот Саша всё заливал мне в уши слезливую историю собственного заключения по ошибке, пытался вывести на откровенность. Пришлось терпеть и меньше трепаться языком, но признаюсь, автомата сильно не хватало. А лучше ещё несколько наступательных гранат. К вечеру я готов был придушить этого бомжа и к чёртовой матери разнести всё отделение.

А уж каких ужасов нагнал сокамерник по поводу ссылки. Мол, вышлют меня далеко в Африку в недавно завоёванное карликовое государство, где заставят с утра до ночи за пайку поднимать инфраструктуру: строить дома и дороги. Почти что тюремный режим с проживанием в бараке, кругом обозлённые чернокожие аборигены, которых всячески притесняют, а срывают они свою

злость на ссыльных. Из-за этого многие ссыльные долго не живут. И сбежать оттуда некуда, кругом пустыня и злые бедуины.

Насчёт последнего не соглашусь. Если кругом пустыня и бедуины, то можно договориться или силой раздобыть оружие с транспортом и чувствовать себя если не комфортно, то хотя бы выжить и перебраться в другую страну. Но назад в СССР к моим вещам дорога будет отрезана. С ПВПВ, который теперь точно доказано — работает, я могу путешествовать по разным мирам, чтобы в итоге устроиться с комфортом, а не бегать с автоматом наперевес по африканским пустыням.

Одно дело — добровольно работать, взять с собой вещи, другое — отправиться насильно в качестве бесплатной рабочей силы. Понятно, что второй вариант мне не нравился. А чем больше времени проходило, тем больше приходило понимание, что выпускать меня никто не намерен.

Может, Саша и преувеличивал, нагнетал атмосферу, чтобы напугать, но чувствовалось, что суть передал верно. По логике было понятно, раз на улицах чисто и нет бездомных, а все вокруг говорят, что их высылают далеко и навсегда, то значит, так оно и есть. Казалось бы, эти люди летают на Луну, как наши туристы в Турцию, пересаживают внутренние органы и за неделю полностью излечивают инсультников, а социальные проблемы как были, так и остались.

Удивительно, как меня вообще вылечили, а не сразу отправили строить коммунизм? Или же властям не нужны больные рабочие? А может, подумали, что я мог оказаться родственником какой-нибудь шишки? Вот и проверили вначале, концов не нашли. Заподозрили шпиона, и ещё раз проверили, после чего поверили в амнезию... Или не поверили? Зачем одежду дарили? Мог Вячеслав быть из КГБ, но при этом совестливым человеком? В принципе, мир не без чудес, всякое может быть. Телепаты же существуют, путешествие в параллельные миры, как оказалось, тоже реальны.

Итак, что делать? Бежать или не бежать, вот в чём вопрос? Если не бежать, а плыть по течению, то окажусь в самом низу социальной лестницы без всяких перспектив. Побег — это риск. Но в случае удачи мне будет открыто множество дорог. Неплохо было бы прихватить местных лекарств, препарат для ускорения регенерации — это нечто волшебное, словно Панацелин из фантастических рассказов. Такое лекарство всегда может пригодиться.

Эх... Вот что за люди служат в органах? Зачем было всё усложнять и загонять меня в строгие рамки, выход из которых приходится пробивать силой... Всё и так было сложно. Хорошим это не закончится, поскольку, когда берут что-то сложное и добавляют к этому ещё что-то более сложное, то выходит ненадёжная конструкция. Это всё равно, что в конце забега специальной олимпиады, на которой будут бежать умственно отсталые, устроить тест по математике.

Я не сторонник насилия, но по-другому действовать не умею. Вот досталась бы какая-нибудь суперсила вроде телепатического внушения или волшебство как у Гарри Поттера, было бы намного проще. А то моя способность какая-то малополезная — видеть последние две минуты до смерти... Ерунда какая-то. Нет, польза есть, всё же от смерти несколько раз спасся, но всё

могло быть лучше.

Интересно, а я могу увидеть будущее по своей воле? Всё равно в камере делать нечего, не общаться же со стукачом. Попробую потренироваться.

<http://tl.rulate.ru/book/84657/2711308>